

угодно было раскрыть перед глазами России, каковы последствия, надлежит ожидать от стремлений и умствований, державно-посягающих на все для нас священные, на религиозные вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение въ установленных властях. Мое внимание уже обращено на воспитание юношества. Мною даны указанія на тот конецъ, чтобы оно было направляемо въ духъ истинной религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія вѣрности началъ общественнаго порядка, и далѣе: «Но преподаваніе, соответствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной семейной жизни проводилась ученія несогласныя съ правилами благочестія и съ вѣропопдавательскими обязанностями. По сему я имѣю твердую надежду, что видамъ Моимъ по этому важному предмету будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія». Очевидно, здѣсь Государь Императоръ обращается ко всему русскому обществу, а не только къ правительственнымъ воспитательнымъ образовательнымъ учреждениямъ, которыя были подъ непосредственнымъ начальствомъ лицъ Имъ избранныхъ. Онъ обращался къ тому обществу, въ той средѣ семейной, надъ которой вѣдалъ вѣдѣть. Государь желалъ, чтобы само русское общество болѣе принимало участія въ разъясненіи своимъ сочленамъ возникающихъ заблужденій. Между тѣмъ это общество не вполне оправдало ожиданія Государя. Дѣйствительно, мы видимъ, что семейная жизнь у насъ не особенно крѣпка, общество съ своей стороны чуждается многихъ своихъ членовъ, которые стоятъ особнякомъ. Мы вѣдемъ, что вовсе не такое отношеніе между сочленами общества желательно. Государь Императоръ указалъ, что общество должно обращаться съ любовью къ своимъ сочленамъ, и если бы этою любовью были проникнуты и общество и семья, то тогда и школы болѣе любовно обращались бы къ своимъ питомцамъ, тогда не было бы тѣхъ грустныхъ послѣдствій, которыя мы такъ часто видимъ, именно въ политическихъ процессахъ. Мы видимъ много оторванныхъ отъ семьи членовъ; она не знаетъ гдѣ ея члены, что эти послѣдніе дѣлаютъ? А отомедливъ отъ семьи члены ея совершенно забываютъ свою семью. Если бы общество болѣе заботилось о себѣ, не было бы тѣхъ присворенныхъ случаевъ, которые, приходяща изъ провинціи въ большіе университетскіе города и желающія учиться, становятся совершенно раздѣльными, удаляются. Такое равнодушіе семьи и общества, особенно въ молодежи, лишаетъ ее правильнаго, естественнаго сообщенія, дѣлаетъ ее одичалою съ нашей точки зрѣнія, неуживчивою въ убѣжденіяхъ, легко поддающуюся превратнымъ несбыточнымъ надеждамъ. Въ этомъ равнодушіи общества и семьи можно видѣть отчасти обстоятельство, которое повліяло и на подсудимыхъ, теперь сидящихъ передъ вами, гг. судьи. Четыре года, проведенные въ арестѣ, не исправили политическихъ убѣжденій Гельфманъ; по самому устройству рабочихъ домовъ, не приспособленныхъ вполне въ роли исправленія политическаго образованія, они не могли имѣть того относительнаго вліянія, которое требуется отъ уголовного наказанія и которое могло бы имѣть мѣсто при другомъ устройствѣ наказанія за политическія преступленія. Гельфманъ, такъ или иначе, вышелъ послѣ ареста не только съ убѣжденіями перерожденными или исправленными, но, какъ видно, вышла еще и озлобленною. Въ настоящее время Гельфманъ обвиняется въ дѣланіяхъ, совершенно похожихъ на тѣ, въ которыхъ она обвинялась въ 1875 году; она и тогда была содержательницей квартиры съ запрещенною закономъ цѣлью. Забавляя свои убѣжденія, я прошу судъ отдѣлить Гесю Гельфманъ отъ главныхъ виновныхъ. Она не можетъ быть оповѣдена подъ разрядъ главныхъ обвиняемыхъ. Гельфманъ еще не окончательно испорченная личность; она можетъ быть возвращена обществу, изъ котораго первоначально вышла. Вы слышали, господа судьи, что когда пришли ее арестовать, то она предохранила пришедшихъ лицъ отъ могущаго произойти несчастія, которое вѣроятно случилось бы, если бы эти лица безъ осторожности вошли въ слѣдующую комнату. Вотъ всѣ тѣ соображенія, которыя я считалъ необходимымъ представить суду какъ защитникъ Гельфманъ.

Прис. пов. Герардъ (защ. подос. Кибальчича). Гг. сенаторы и гг. сосланные представители! Гражданство и важность того преступленія, о которомъ вы произнесете вашъ приговоръ, близости дня, въ который совершилось событіе 1-го марта съ сегодняшнимъ днемъ суда, надъ нимъ, въ слѣдующую комнату. Вотъ по крайней мѣрѣ, глазахъ, ту страстность, съ которою все общество ждетъ вашего суда, ту страстность, благодаря которой люди, весьма серьезно относящіеся къ событіямъ, встречающимся имъ въ жизни, привык-

шіе анализировать причины и послѣдствія этихъ событий, не могутъ подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ событія 1-го марта поступить въ данномъ случаѣ такъ, какъ они поступаютъ обыкновенно. Они видятъ предъ собою только ужасающій фактъ смерти усонаго Государя отъ руки убійцы и далѣе этого ни впередъ, ни назадъ не идутъ. Мы поняли и та страстность, съ которой была сказана обвинительная рѣчь. Я вполне понимаю, что съ той точки зрѣнія, съ какой смотритъ г. прокуроръ на самое событіе, и съ которой, повторяю, смотритъ все общество, нельзя къ нему относиться иначе. Но вы, гг. судьи, должны отрѣшиться отъ всякой страстности; судъ не можетъ дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ страсти, не можетъ судить одно происшествіе; онъ долженъ взвѣснить и причины. Судъ подсудимыхъ, онъ не можетъ останавливаться только передъ дѣйствіями преступника, онъ долженъ непременно углубиться въ то, что могло его привести съ пути законности къ преступленію, и чѣмъ оно важнѣе, тѣмъ далѣе путь отъ этой законности къ совершению преступленія, тѣмъ строже вы должны исполнить эту вашу обязанность. Въ этомъ отношеніи исторія подсудимаго Кибальчича весьма, на мой взглядъ, назидательна. Кибальчичу теперь 27 л. Въ 1871 г. слѣдовательно 17-ти л. онъ окончилъ курсъ въ новгородской высшей гимназій. Если онъ окончилъ курсъ 17-ти л., то это уже указываетъ на человека, который былъ одаренъ отъ природы прилежаніемъ и способностями, выходящими изъ ряда. Въ этомъ возрастѣ рѣдко оканчиваютъ курсъ. И такъ, въ 1871 г. онъ окончилъ курсъ гимназій съ малымъ и явился въ Петербургъ для полученія высшаго образованія. Мы видимъ, что до 1873 г. онъ воспитывался въ истинно путей сообщенія, но затѣмъ въ 1873 г. онъ переходитъ въ медико-хирургическую академию. До 1875 г., когда, поимотъ его воли, теченіе ученія прекратилось, онъ бездѣйствовалъ въ академіи. Въ 1875 г. онъ былъ на 3-мъ курсѣ, слѣдовательно онъ въ теченіе этого времени аккуратно переходилъ изъ курса въ курсъ. Занятія шли усильно, но въ октябрѣ 1875 г. была прервана его арестомъ. Дѣло о прежней судимости Кибальчича передъ вами, и я считаю своею обязанностью указать на это дѣло, какъ указано и въ обвинительномъ актѣ, но только съ болѣею подробностью. За что же былъ арестованъ въ 1875 г. Кибальчичъ и за что онъ судился въ 1878 г.? Лѣтомъ 1875 г. онъ провѣлъ каникулы въ имѣніи своего брата, въ Киевской губ. Діагностика узда. Намъ говорить, что онъ сблизился съ крестьянами. Да, но потому, что тамъ другого то общества не было, и поватное дѣло, что желаніе познакомиться съ народомъ, я не стану этого отрицать, желаніе сблизиться съ нимъ было у Кибальчича и тогда. При этомъ общеніи съ народомъ онъ никому не говорилъ ничего противозаконнаго, ничего такого, что могло бы быть поставлено ему въ упрекъ на судѣ. Онъ многимъ крестьянамъ раздавалъ большое количество разныхъ вещей и вещей, исключеніемъ одной, показались дозволенными въ чтеніи. Только одному крестьянину, Притулу, онъ передалъ книжку подъ названіемъ: «Сказка о чести братьевъ», книжку противозаконнаго содержанія. Вотъ, гг. судьи, эта-то книжка поступила въ это судѣ, съ такими предисловіями, въ указаніи, что свидѣтель, передавъ ее другому, не вынесъ изъ чтенія ея ничего противозаконнаго. У него не осталось впечатлѣнія, что это была книга запрещенная. То же самое было и съ тѣмъ крестьяниномъ, которому онъ ее передалъ, а затѣмъ и третьему, но, наконецъ, получая эту книжку священникъ и представилъ ее по начальству. Началось дознаніе, которое выяснило, именно то, что я сейчасъ изложилъ. Кибальчичъ тѣмъ временемъ продолжалъ учиться въ медико-хирургической академіи. Въ одно утро въ академію къ нему обращается инспекторъ и говоритъ, что приходила полиція и спрашивала его. Кибальчичъ до такой степени чувствовалъ себя виновнымъ передъ закономъ и правительствомъ, что немедленно отправился въ полицію и спросилъ, зачѣмъ его вели. Тутъ онъ былъ арестованъ, причемъ былъ сдѣланъ обыскъ въ его квартирѣ, и дѣйствительно въ этой квартирѣ, которую посѣщала масса болѣе или менѣе знакомыхъ ему людей, нашли тѣмъ запрещенными книжками и разными паспортиками; тѣмъ совершенно задержаннымъ, котораго за два или за три дня передъ тѣмъ по показанію квартирной хозяйки, не было у Кибальчича. Когда онъ былъ спрошенъ, то заявилъ, что тѣмъ этотъ принесенъ ему однимъ знакомымъ, котораго онъ не называлъ, а объяснилъ, что онъ не знаетъ, что находится въ тѣхъ, онъ надо думать, онъ сказалъ правду, потому что, если бы онъ зналъ, что въ немъ находится, то неужели, узнавъ, что его ищетъ полиція, онъ не побѣжалъ бы прежде въ квартиру, чтобы скрыть этотъ тѣмъ. И такъ, 31-го октября 1875 г., онъ былъ арестованъ по об-

виненію въ передачу запрещенной книжки крестьянину Притулу, былъ арестованъ и препровожденъ въ киевскій тюремный замокъ, но сначала произведено дознаніе въ Петербургѣ, продолжавшееся до іюня 1876 г.: Кибальчичъ былъ заключенъ въ тюремный замокъ, и приступлено было къ производству формальнаго слѣдствія черезъ члена судебной палаты...

Первоприс. Я пригласилъ бы васъ, гг. защитники, эту часть вашей рѣчи сократить, такъ какъ, особое присутствіе, разрѣшившее вамъ сослаться на производство дѣла о Кибальчичѣ, находящееся въ виду присутствія, тѣмъ самымъ считаетъ своею обязанностью ознакомиться съ нимъ во всей подробности.

Прис. пов. Герардъ. Я прошу только позволенія хронологически повторить ходъ этого дѣла, потому что, по моему глубокому убѣжденію, то направленіе, которое отъ 1874 до 1878 г. наша судебная администрація давала политическимъ процессамъ, имѣетъ громадную роль при разъясненіи всего настоящаго дѣла. Въ виду исключительной важности настоящаго дѣла я и прошу разрѣшить мнѣ только болѣе указать вамъ въ хронологическомъ порядкѣ главныя фазисы того дѣла.

Первоприс. Въ этому я васъ и приглашаю.

Прис. пов. Герардъ. Въ ноябрѣ 1876 г. слѣдствіе было кончено и представлено въ министерство юстиціи. Въ февралѣ 1877 г. оно внесено въ особое присутствіе правительствующаго сената, разбирающаго тогда дѣла по политическимъ преступленіямъ. Обвинительный актъ былъ составленъ, но въ него вѣрталась ошибка, вслѣдствіе чего особое присутствіе, въ февралѣ 1877 г., возвратило обвинительный актъ товарищу оберъ-прокурора для исправленія этой ошибки. Ошибка была исправлена въ декабрѣ, наконецъ 1-го мая 1878 г. состоялся судъ надъ Кибальчичемъ, т.е. черезъ 2 года и 8 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія. Особое присутствіе правительствующаго сената не признало возможнымъ обвинить Кибальчича въ томъ грозномъ обвиненіи, которое было выставлено противъ него. Оно признало, что въ данныхъ дѣйствіяхъ Кибальчича нѣтъ признака этого преступленія. Когда сего дня представитель обвинительной власти говорилъ о прежнихъ приговорахъ особаго присутствія, онъ указывалъ на то, что на судѣ противъ такого-то подсудимаго улики оказались недостаточными для обвиненія во ввѣденномъ на него преступленіи. Но въ это не такъ. Улики на судѣ въ особомъ присутствіи всегда были и тѣ же, которыя имѣются на дознаніи и на предварительномъ слѣдствіи. Особое присутствіе — не судъ присяжныхъ заседателей, предъ вами открыты всѣ акты и дознанія предварительнаго слѣдствія, такъ какъ особому присутствію эти производства открыты. Они конечно провѣряются на судѣ и эта провѣрка можетъ ихъ поколебать, опровергнуть, но не дѣлаетъ пробѣла въ уликахъ. И такъ Кибальчичъ былъ признанъ виновнымъ только въ такомъ преступленіи, которое, можетъ быть, плечъ за собою лишь дисциплинарное высыланіе. Онъ и подвергся одиночному тюремному заключенію, которое и отбылъ. Въ началѣ іюня 1878 г. онъ вышелъ изъ тюрьмы, почти послѣ трехлѣтняго заключенія до суда и, однимъ словомъ, заключенія по приговору суда. Выда, такимъ образомъ, на свободу, Кибальчичъ, подавъ прошеніе въ медико-хирургическую академию о поступленіи въ нее вновь и сталъ хлопотать объ этомъ, но къ сожалѣнію въ это время революціонная партія поступила уже на террористическій путь. Въ августѣ 1878 года въ Петербургѣ было совершено убійство генераль-адъютанта Мезенцева и вслѣдствіе этого одного изъ первыхъ административныхъ мѣръ была выслана изъ Петербурга всѣхъ лицъ, которыя когда либо принадлежали въ качествѣ обвиняемыхъ по политическимъ процессамъ, независимо отъ того, были ли они обвинены или оправданы. Эта мѣра должна была постигнуть и Кибальчича, потому что у него еще не было опредѣленныхъ занятій, онъ еще хлопоталъ о поступленіи въ академию. Можетъ быть, если бы онъ поступилъ то по заступничеству начальства академіи, его могли бы оставить, но тутъ онъ зналъ вѣрнѣе, что будетъ высланъ административнымъ порядкомъ. Я не буду говорить о несправедливости этой мѣры, полагая, что она уже осуждена.

Первоприс. Это не подлежитъ нашему обсужденію.

Прис. пов. Герардъ. Я уважаю только на правительственную непригодность этой мѣры, какъ показали всѣ процессы...

Первоприс. Этотъ предметъ не подлежитъ нашему обсужденію.

Прис. пов. Герардъ. Я хотѣлъ только сказать, что люди энергичные, которые готовы рѣшиться на дѣйствительно дѣятельную борьбу съ Правительствомъ, эта мѣра никогда почти не касается, имѣ-